

ИВАН ПЛАХОВ

الشيطان

ЖЕРТВА

Иван Плахов

6 жертва

«Издательские решения»

Плахов И.

6 жертва / И. Плахов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858698-9

История, построенная на сопоставлении противоположных точек зрения четырех участников одних и тех же событий, буквально столкнувших их между собой. И каждый из героев в предложенных обстоятельствах, принимая вызов судьбы, имеет собственную мотивацию поступков и рассказывает свою версию случившегося. Читателю предоставляется право самому разобраться, кому из них можно верить и на чьей стороне правда. Или все врут, включая и автора?

ISBN 978-5-44-858698-9

© Плахов И.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
КНИГА ОГНЯ	7
♠	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

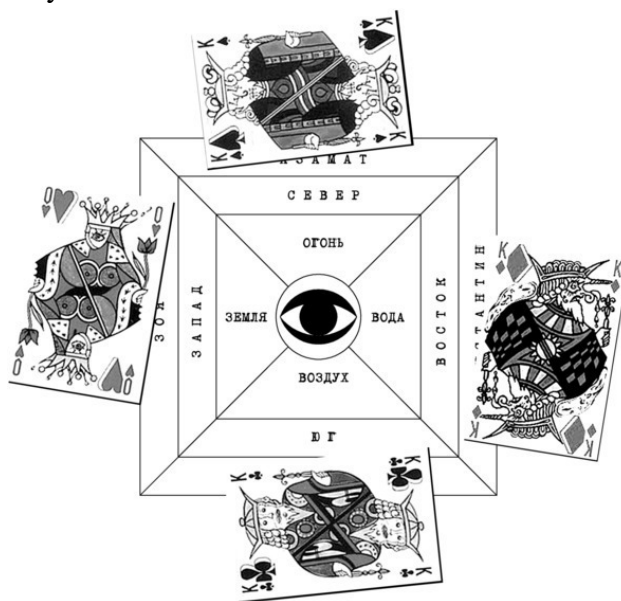
6 жертва

Иван Плахов

© Иван Плахов, 2017

ISBN 978-5-4485-8698-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это правдивая история. Описываемые события произошли в Иркутске и Иркутской области. Из уважения к выжившим все имена изменены. Из уважения к погибшим все происшедшее описано так, как было.

Правда есть одно **«но»** – в России *«достоверного прошлого не существует»* и *«прошрое всегда реконструируется из настоящего»*.

Одни и те же преступления, сломавшие судьбы их участников, объясняются по-разному, потому-что за каждым вовлеченным в них стоит своя *«особая»* правда. Кто из них прав, а кто виноват? – для литературы вопрос риторический. Можно даже сказать – пустой. «Нет правды на земле, но правды нет и выше».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды мне приснился рояль на полусогнутых ножках, у которого вместо клавиш были шустрые белые и черные пальцы, игравшие невероятно энергичные латиноамериканские мелодии, под которые я занимался с ним любовью в ритме ламбады, пристроившись сбоку к его нетерпеливо вибрирующему корпусу в форме двух огромных и упругих эбеновых ягодиц с отверстием посередине. Рояль катался и кружился по комнате, а на его приподнятой крышке проступало счастливое от соития лицо самого Господа Бога, громко кричавшее: «Сделай мне высокохудожественную гадость».

Надеюсь, *это* мне удалось

КНИГА ОГНЯ

«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Еванг. от Матфея

*Пики символизируют копье, которым был пронзен распятый Христос.
В гадании карта Короля Пик означает крупные неприятности.*

Он всегда был убежден, что особенный, не такой, как все. Даже его имя с арабского переводилось как «Величие, Слава». Азамат, сколько себя помнил, всегда хотел чего-то добиться, – чего именно он никогда ясно сформулировать не мог, предпочитая расплывчато мечтать о чем-то неопределенном, что переменит всю его дальнейшую жизнь, – но прилагать усилия к тому, чтобы осуществить свою мечту в реальности, не хотел. Ленился.

Бесплодный мечтатель, он плыл по течению в фарватере чужих решений, избегая самостоятельности и лишь лавируя и ожидая, когда кто-нибудь более успешный ошибется и он, воспользовавшись этим, скovyрнет его и займет освободившееся «теплое» местечко. К этому паразитическому образу жизни его приучали с детства, заставляя экономить силы для достижения цели. Впервые оказавшись в горах, у своего деда, он был поражен скупости его движений и той благородной неторопливости старости, с какой он все делал: взбирался на окрестные склоны ущелья; вел дела по хозяйству; пас овец или просто сидел на берегу реки и смотрел на бирюзу воды, мечущейся среди каменистых порогов.

И говорил дед тоже неспешно, словно взвешивал слова. Правда, половину из того, что он произносил, Азамат не понимал, потому что тот пользовался гортанным языком аварцев, лишь иногда вставляя русские слова для усиления выразительности отдельных фраз.

Особенно ему нравилось сидеть с ним на камнях возле разрушенной крепостной башни по вечерам и смотреть на закатные горы со стороны соседней Чечни, вдыхая аромат табачного дыма, пока тот неспешно раскуривал свою трубку, словно впереди у него была целая вечность.

Родившись в Махачкале от смешанного брака дагестанца и русской, полукровка, он чувствовал себя здесь, в ауле, не в своей тарелке, особенно когда дед пытался прививать ему навыки горской жизни: пасти и стричь овец, доить и принимать у них окот, – все это представлялось ему глубоким анахронизмом, хотя таких слов, будучи ребенком, он еще не знал. Но чувствовал, что это не его призвание, хотя ему нравилась бесхитростная простота и ясность этой жизни.

Здесь никто и никого не обманывал и для каждого было свое место вокруг почерневшего от времени очага, на котором всегда готовилась незамысловатая и вкусная еда. В его памяти с детства намертво запечатлелась магия огня, на который он мог часами смотреть по вечерам, когда холодный туман спускался с окрестных гор и накрывал весь аул белой непроглядной пеленой, словно толстым ватным одеялом. Под таким же толстым и тяжелым одеялом спал и сам Азамат, представляя каждую ночь себя могучим и непобедимым богатырем, у ног которого лежит весь мир и молит о пощаде.

Азамат всего хотел, но у него ничего не было. Его семья была бедной и денег не хватало даже на то, чтобы купить ему школьную форму: он донашивал всегда одежду с чужого плеча. Отчасти поэтому, а в основном в силу стадного инстинкта, чтобы как все и не выделяться, когда исполнилось 10-ть лет, он записался в секцию вольной борьбы: это был его первый и самый важный поступок, о котором впоследствии он никогда не жалел. Чтоб заниматься в секции ничего не требовалось – выходи на ковер в трусах и майке и тренируйся. Борьба как спорт полностью его захватила, став смыслом всей последующей жизни. Схватки на ковре, поездки на соревнования по всей стране и ликование вместе с командой по поводу побед, все это благополучно заменяло ему изучение внешнего мира, который он привык воспринимать как что-то не вполне реальное, пребывающее по другую сторону стекла автобуса, на котором его возили на непрекращающиеся сборы.

Азамат и не заметил, как ему исполнилось 18-ть, оставшись, по сути, большим ребенком, привыкшим все получать даром и по-прежнему мечтавшим по ночам о чем-то несбыточном. К тому же спорт его порядочно развратил: ему нравилось чувствовать свою силу в отношении всех, с кем он боролся и кого сумел победить. Ломать людей оказалось на редкость легко – достаточно было заставить их тебя бояться. Он хорошо усвоил урок своего первого тренера, доходчиво объяснившего ему всю премудрость любого силового единоборства: «Бой выигрывают до его начала. Перестань считать противника человеком, дай ему это понять и победишь».

Эта формула работала всегда, когда ему удавалось перебороть все человеческое в себе и сыграть нечестно, до начала поединка подойдя к сопернику и пообещав его убить: в зависимости от реакции на сказанное сразу становилось ясно, уступят ему или будут бороться – нужно было лишь вложить всю ненависть в слова, чтобы суметь ими отравить своего врага, а затем ждать, когда у того сдадут от страха нервы. Если личные угрозы не действовали, нужно было продолжать давить на соперника, начав угрожать членам его семьи: последнее действовало безотказно, – личное мужество всегда пасовало перед врожденным инстинктом ответственности за своих близких.

Сам Азамат не считал такую практику зазорной, да и все тренеры, с которыми он работал, ее практиковали, каждый на своем уровне: победа оправдывала любые средства, включая договорные поединки. Азамат на личном опыте испытал это, когда тренер велел ему проиграть бой, а он его выиграл. Ему тогда было лет 12-ть, честолюбие переполняло, а соперником оказался трусоватый мальчишка из соседней школы: он не удержался, чтобы не победить. Каково же было его отчаяние и злоба, слившиеся в горькую обиду, когда после соревнований в раздевалке тренер его жестоко избил, все время повторяя: «Из нас двоих я один решаю, кто победит. Не ты, а я. Выучи это как молитву. Я твои мозги и я твоя воля. Я, а не ты».

Это был суровый урок, но он его выучил: не с первого раза, но выучил, – как животное, которое жестоко дрессировали до тех пор, пока оно не научилось выполнять команды. Побой являлись неотъемлемой частью этого воспитания, а в его шкале ценностей физическая сила с тех пор заняла главное место.

Достигнув совершеннолетия, Азамату нужно было решать – или идти в армию, или пробовать поступать в институт. Испытывая стойкое отвращение к любой учебе, которую он, сколько себя помнил, воспринимал как бессмысленное времяпровождение, он решил в пользу армии: мудреные слова о смысле жизни представлялись чем-то настолько далеким от всего того, с чем он сталкивался каждый день, что тратить годы и годы на их изучение для него, как «разумного» человека, было пустым времяпровождением.

Служба ему даже нравилась – все предсказуемо, все за тебя решают, вся жизнь по расписанию. И снова во главу угла становилась сила, которой все в армии поклонялись, начиная от командиров и заканчивая им самим. Он чувствовал себя частью целого, вполне соответствуя тому, чего от него ждали: послушный кусок мяса, упакованный в солдатскую форму, – ему даже не нужно было напрягаться, чтобы быть лучшим, потому что у него не было никаких амбиций. Он ждал приказов и их выполнял, не думая, словно автомат.

Ему часто снились горы из детства, – далекие, чистые и недоступные, – он о них мечтал, желая лишь одного – после демобилизации поехать в аул к деду и совершить вместе с ним восхождение на любой из заснеженных перевалов.

Но когда пришел срок увольняться, ему предложили поступить на службу в республиканскую ППС и он согласился, изменив своей мечте: ему пообещали, что он займется тренировкой личного состава и обучению приемам самообороны. Неожиданно он обнаружил, что попал в центр яростного и бескомпромиссного противостояния между государством и народом, который эту власть отказывался признавать законной.

Воровской режим, олицетворением которой являлась личность демонического Березовского, достигшего к 96-му году зенита своего могущества, жил не по законам, а по поня-

тиям. Азамату ничего не оставалось, как соучаствовать во всеобщем грабеже, развернувшимся по всей стране. Случившаяся чеченская война усугубила и без того эфемерное существование всех органов правопорядка в республике, подвергая их сотрудников смертельной угрозе народного гнева: не проходило ни одного дня, чтобы в закрытых сводках МВД не сообщалось об убийствах милиционеров или работников прокуратуры.

Но сам Азамат на все происходящее смотрел практически отстраненно, словно наблюдатель, оставаясь к происходящему равнодушным: жил так, словно это его не касалось. Его мысли вертелись вокруг него самого. К тому же все свое время он проводил в спортивном зале, отработывая броски и подсечки, ведь в этом и заключалась его служба.

Когда его подразделение привлекли к участию в ликвидации группы боевиков в пригороде Махачкалы, он впервые увидел смерть так близко, что его это потрясло и заинтересовало. Боевиков рассматривали не как людей: среди участников операции никто не испытывал к ним ни малейшего сострадания, – это была азартная охота на очень опасных зверей, что-то среднее между забавой и ужасом. Мысль о том, что тебя могут убить, подстегивала и его, наполняя чувством хулиганского веселья.

Сам Азамат стоял в оцеплении и непосредственно в ликвидации не участвовал, но когда все закончилось и убитых выволокли и положили в ряд около разбитого дома, он смог пробиться к их телам и долго разглядывал искореженные и обугленные трупы, выставленные словно ценные трофеи, которыми хвалились опытные охотники-убийцы, оживленно-нервно курившие и обсуждавшие только им одним понятные детали закончившейся операции. Бородатые мертвецы скалились открытыми ртами прямо в безоблачное небо, словно им тоже было весело. Часть из них были ровесниками Азамата, отчего ему стало по-настоящему страшно: он понял, что все это не игра, что на их месте запросто мог бы быть и он, если бы волею случая не оказался по другую сторону этого противостояния.

Помимо страха где-то там, глубоко в душе, тлела искра зависти к их участи, – хотя и страшно было с этим согласиться, – что они нашли в себе силы умереть за свою веру. Сам он ничего подобного от себя не ждал, потому что вера для него была чем-то далеким и чуждым. Но он никак не мог поверить, разглядывая мертвых боевиков, что теперь они мертвы навсегда.

«Еще и часа не прошло с тех пор, как они неистово дрались, переживали, на что-то надеялись, и вот теперь это лишь куски плоти. Но куда делось то, что эту плоть оживляло? Что стало с ними после смерти? И неужели я когда-нибудь превращусь в такое же мертвое тело? И все? А что потом?» – сам себя спрашивал Азамат и не находил ответа. Внутри у него образовалась пустота, которую нужно было чем-то заполнить: она его пугала – не на что было опереться. Свои страхи он пытался компенсировать в спорте, выступая на соревнованиях разного уровня, но крайне неудачно: фортуна словно отвернулась от него, – он стал бояться соперников, потеряв веру в собственные силы. Это его невероятно бесило и он невольно вымещал свою злобу на окружающих, оскорбляя их или словами, или действиями, – вспыльчивость очень ему вредила, создавая репутацию конфликтного и несговорчивого человека, – за достаточно короткий срок он растерял всех друзей и нажил врагов среди начальства.

Верхом его унижения стало снятие с должности тренера: теперь он должен был, как и все, служить обычным патрульным, каждый день разъезжая вместе со своим напарником по окраинам города или досматривать на блок-постах автомобили. Жизнь впервые развернулась перед ним со всей неприглядностью озлобленного на власть народа, представителем которой он являлся: периодически их обстреливали, прокалывали шины патрульных машин или забрасывали камнями, разбивая стекла в зданиях милицейских постов. Весь мир теперь определялся формулой «мы и они»: мы – это все светлое и нормальное, светское, растущее своими корнями из его собственного пионерского прошлого, которое приходилось с оружием в руках защищать; они – это все темное и болезненное, религиозный экстремизм с непонятными обрядами,

намазами, бородами и абракадаброй молитв на арабском, возникший словно ниоткуда и заразивший его сверстников, словно бубонная чума. Один вид ваххабитов был ему отвратителен.

Все эти чуждые веяния приходили в его страну из-за гор, из грозной и ненавистной Чечни, о жизни в которой ходили совершенно невероятные слухи. Когда в конце мая 98-го года братья Хачилаевы со своими сторонниками организовали массовые беспорядки в самом центре Махачкалы, устроив фактически разгром зданий правительства и Госсовета, Азамат бежал из города и скрывался в дедовском ауле, возвратившись обратно лишь после того, как по радио было объявлено, что мятеж подавлен. Сам он не считал то, что сделал, предательством: просто не хотел оказаться на стороне проигравших, поэтому подстраховался, – сила для него была тем окончательным аргументом, которым он руководствовался.

Приученный с детства понимать силу лишь как способность внушать страх окружающим для того, чтобы ими манипулировать, он сразу оценил эффективность стратегии новоявленных противников действующей власти, позволившей им быстро создать себе нужную репутацию: или победа, или смерть; к противникам ни жалости, ни пощады. Когда мятеж ваххабитов захлебнулся, а его участников закончили отстреливать как бешеных собак, часть из которых укрылась в соседней Чечне, он написал рапорт об увольнении и решил уехать из республики куда подальше, лишь бы вновь не оказаться на передовой между религиозной непримиримостью и политической жестокостью.

Фактически этим он признавался в полном фиаско – это ставило крест на его детской мечте народного героя, силе которого покорился бы весь мир, вознеся на вершину славы и власти. Свое бегство он постарался оформить как попытку добиться справедливости, продолжив свою насильственно прерванную карьеру борца на новом месте, где его бы оценили по достоинству и где нет таких бесчестных интриганов, как у них в республике, где все решали родоплеменные связи судей и борцов.

Он так горячо доказывал это своим родичам и близким, что в конце концов сам начал в это верить, постаравшись забыть первопричину своей трусости. Надежда на лучшую жизнь гнала его вперед, не давая остановиться, переполняя мечтами, которые непременно должны были сбыться, если он начнет их реализовывать на новом месте. «Просто на Родине не повезло», – засело в мозгу. Хотелось уехать как можно подальше от Кавказа, поэтому он решил отправиться в Сибирь, перебравшись на другую сторону Уральских гор, и обосноваться где-нибудь на просторах безбрежной Азии.

В конечном счете Азамат оказался в Иркутске, где земляки приютили и помогли, построив в местную Федерацию спортивной борьбы. На новом месте он принялся заниматься хорошо ему знакомым делом – тренировать бойцов, которыми пополнялись местные бригады рэкетиров. Квартиру он снял на окраине города в микрорайоне Ново-Ленино, который все местные звали не иначе как «Гарлемом»: если Иркутск отставал в от всей страны лет на десять, то «Гарлем» глубоко завяз в депрессивном советском прошлом – время здесь остановилось.

Он как будто оказался в родной Махачкале с поправкой на климат и ментальность сибиряков: много рынков и ларьков, которые все называли «павильонами». Каждый со своим собственным названием. «Удача», «Радуга сладости», «Курочка рядом». Парикмахерскими «Подстригалочка» и «Чубчик кучерявый». С магазинами наливной парфюмерии, где в розлив продавали духи Chanel и Gucci по совершенно смехотворной цене. Это была все та же провинциальная жизнь, только с нуля на новом месте.

Он даже реабилитировал свою репутацию борца, став неоднократным чемпионом Иркутской области и призером России. Но все же что-то было не так, он не мог успокоиться и это его тревожило: ушел драйв жизни на грани фолла, ощущение риска игры со смертью без права на ошибку, – там, на Родине, в условиях войны, все было по-настоящему.

«Да, у меня не получилось, я облажался, – сам себе говорил Азамат, пытаясь разобраться в своих чувствах, – но сейчас-то я точно знаю, как нужно поступать в подобных ситуациях. Это

мой шанс все исправить, испытав себя снова и не провалить этот экзамен. Я смогу, я к этому готов – доказать свою силу».

Но связываться с простыми уголовниками он не хотел, считая общение и уж тем более дружбу с ними ниже своего достоинства. И тут подвернулся любопытный персонаж, который его заинтриговал своим предложением стать наемным убийцей, устранив одного «очень плохого человека», по его словам, о смерти которого никто на этой планете не будет жалеть.

– Хорошим людям надо помогать, но где найти сильных людей, которые готовы переступить закон во имя торжества справедливости? Встретить бы такого, кто скажет: «Я право имею». Я бы ему поклонился и назвал своим Богом. Есть ли такие герои, готовые менять этот мир под себя? – пытал Азамата Игорь Юрьевич Интриллиатор, – бизнесмен с очень сомнительной репутацией, – с которым он встречался в бане.

Возникнув как черт из табакерки, неожиданно он занял в его жизни все свободное от тренировок и спортивных соревнований время. Подвижный как ртуть, он жил так вкусно, что ему невольно завидовали: на широкую ногу, делая долги и не задумываясь о завтрашнем дне.

Его лицо было настолько порочно, что невольно притягивало к себе: вечно мокрые губы сластолюбца складывались в сердечко, подозрительно смахивающее на кошачий анус, выдавая любителя запретных удовольствий; сладкие глаза Иуды, в которых вспыхивал сладострастный огонь при виде женских ягодичек, сигнализировали о его непотребстве мыслей; бургундский нос дополнял образ интригана и пьяницы, – хотелось узнать эту незаурядную личность поближе.

Интриллиатор не скупился на лесть в адрес Азамата.

– У вас, кавказцев, есть харизма, сила; вы цельные в отличие от нас, русских. Нас всех сломали – Сталин и Отечественная война сломали. А вас это не коснулось. Ты, Азамат, герой, настоящий герой. Только этого никто не ценит, а я ценю, парень. У тебя великое будущее. Только это надо доказать... нет, нет, не мне, – я верю, – а другим. Завали для начала какого-нибудь негодяя, например Колосова, о котором я тебе говорил, и народ к тебе потянется. Тебе надо начать быть героем, а для героев закон – это они сами, а не уголовный кодекс. Люди должны тебя бояться, тогда они начнут тебя уважать и признавать твою силу, а иначе нельзя. Теперь все только и делают, что живут по понятиям. А понятия кто устанавливает?... Молчишь, а я тебе скажу – тот, кто сильный! Вот ты сильный?... А раз да, то ты эти понятия должен устанавливать, а не кто-нибудь другой! И тогда все у нас с тобой будет прелестно. Все будет прелестно.

Интриллиатор любую свою фразу норовил закончить словом «прелестно», а ненависть к своему компаньону, которого уговаривал убить, объяснял фразой историка Ключевского: «Есть люди, которые становятся скотами, как только с ними начинаешь общаться как с людьми».

– Моя ошибка, Азамат, – оправдывался он, – что я не могу с людьми иначе. Я мягкий, жесткости во мне нет. Вот из-за этого и страдаю. А ты можешь, я вижу, ты человек-камень, у тебя воля есть. Сила!

Азамату льстили его слова, но он не очень-то ему верил, прекрасно понимая, что тот хочет его использовать как орудие смерти, избавившись от своего кредитора, чтобы не платить тому по своим долгам. Но Интриллиатор сулил полмиллиона рублей, а для него это были огромные деньги, да и соблазн попробовать себя в «настоящем» деле был настолько велик, что он не устоял и согласился. Но прежде всего он хотел доказать самому себе, что он не трус, а то, что случилось с ним в Дагестане, это просто недоразумение: просто тогда он был к *этому* еще не готов.

«Избавить общество от одного мерзавца – это не преступление. Если я могу остановить плохого человека и убрать его с пути хорошего человека, то это правильно. Просто ни у кого не хватает смелости это сделать, а я смогу. И никто меня за это не осудит, – успокаивал он сам себя, представляя, как он это сделает, – Я пропущу его вперед и выстрелю ему в спину.

Он даже не узнает, что его убили. И это правильно. Очень человечно. Именно так, главное не промахнуться».

Когда Азамат известил Интриллигатора о своем согласии, тот сообщил ему домашний адрес жертвы и выдал аванс в 40 тысяч рублей. Это было настолько буднично, что даже разочаровывало. Оставалось достать оружие, но и с этим проблем не возникло: он просто одолжил пистолет у своего земляка-милиционера, отдавшего ему на неделю свой табельный Макаров. Интриллигатор снабдил его фотографиями компаньона и информацией о его распорядке дня.

Подождав возле подъезда, где жил Колосов, он как бы случайно столкнулся с ним у входной двери и, приоткрыв ее, жестом предложил войти, на что тот, приподняв правой рукой шляпу и полупоклонившись, снисходительно процедил «Благодарю» и решительно шагнул во внутрь. Следом за ним проскользнул Азамат и выстрелил в него трижды.

Когда Колосов упал, он подбежал к телу и еще дважды выстрелил в голову, плохо понимая, что делает, а после, спрятав пистолет в карман куртки, вышел на улицу и, глубоко вдохнув морозный воздух, энергично зашагал прочь, напевая себе под нос, как ни в чем не бывало: «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой».

Вернувшись домой, он не находил себе места: напряжение переполняло, какое-то дьявольское веселье будоражило, словно он, как в детстве, напроказничал и радовался, что у него все сошло с рук, – никакого раскаяния или жалости к убитому он не испытывал. Чтобы хоть как-то расслабиться, он долго отжимался от пола и качал пресс, пока вместе с потом не пришла усталость и апатия. Он так и уснул на полу, лежа на спине и раскинув руки в стороны.

Во сне ему явился убитый, все время повторявший «Благодарю», а затем он куда-то летел и летел в темноте и у него дух захватывало от того, что он кувыркался в вихре огней и его распирало от ощущения вседозволенности и неуязвимости. Проснувшись утром, он не ощущал ничего, кроме приятной ломоты в мышцах, даже страха никакого не было, – к его удивлению, – что за ним могут прийти и предъявить обвинение в убийстве. Сделал зарядку, позавтракал и отправился в спортзал проводить утреннюю тренировку.

День прошел как обычно, без происшествий, а вечером он позвонил Интриллигатору, но тот не ответил на звонок. Азамат удивился, но не придавал этому значения. Жизнь его продолжалась как ни в чем не бывало, только по ночам во сне его переполнял восторг от полетов сквозь пространство и время, когда сквозь него проносились безбрежные миры из ярких вспышек и разноцветных пятен, которые клубились и все время меняли форму: казалось, что он чистый луч света, несущийся сквозь саму Вселенную, раскрывающую перед ним все свои тайны.

В конечном счете поняв, что Интриллигатор избегает его, он без приглашения заявился к нему и потребовал расплатиться. Это повергло того в панику: впервые он увидел настолько испуганного человека, что все сколько-то ни будь человеческое в нем разом исчезло, обнажив животное начало во всей его неприглядности. Он метался по комнате, словно раненый зверь, заламывал руки и даже становился перед ним на колени, прося лишь одного – чтобы он немедленно ушел. Постепенно до Азамата дошло, что он совершил ошибку, явившись к нему: если под подозрением был он сам как Исполнитель, то он выдавал Интриллигатора как своего Заказчика, а если под подозрением был Интриллигатор, то обвинение в совершении убийства ложилось уже на него самого.

Поняв, что попался, сам себя заложив, он начал истерически смеяться, – душа леденела от страха, но безумное веселье невозможно было остановить, – это было так глупо, что ему даже не было жалко самого себя. Впервые в жизни он осознал, что не достоин считаться разумным существом.

Каково же было его удивление, когда после его нечаянного визита он обнаружил, что они никому не нужны, никто за ними не пришел, а милиция ими даже не заинтересовалась. Все расходы и организацию похорон убитого взял на себя Интриллигатор. Азамат об этом узна-

вал из газет и местных новостей на городском телеканале. Но на фоне всеобщего беспредела, творившегося по всей стране, смерть мелкого иркутского бизнесмена была ничем не примечательным событием: одним больше, одним меньше. Тогда многих убивали просто так, без всяких причин, а в соседнем Ангарске вовсю орудовал серийный убийца, убивавший женщин. Все только об этом и говорили.

На полученный аванс Азамат купил компьютер и подключил его к Интернету, увлекшись онлайн-играми. Это был незнакомый ему мир, в котором открывалось совершенно новое измерение фантастической свободы, где он был практически Богом, неподвластным никому, кроме своих желаний.

Основным правилом, по которому существовал виртуальный мир, было незамысловатое «Убей или будешь убит». В играх требовалось только одно – убивать. Это было восхитительно. Время пролетало незаметно среди полутемных лабиринтов подземелий, полных кровавых монстров. Он нырял с головой в темный мир бессознательного, возвращаясь в свое детство и снова становился ребенком, жадным до развлечений. Иногда он целыми днями не мог оторваться от компьютера, а когда ему случалось выходить из дома, то казалось, что мир, в котором он оказался, какой-то не настоящий, а подлинный именно тот, компьютерный, в котором никто не мог с ним сравниться по умению уничтожать людей и чудовищ. Он даже на время забыл об Интриллигаторе и спорте, жадно перебирая незнакомые в сети сайты, каждый из которых был целой вселенной.

Вернуться к настоящей жизни его заставила нужда: неожиданно закончились деньги, а работать он не хотел. Он снова нечаянно встретился с Интриллигатором в бане, куда тот ходил по субботам как примерный христианин на воскресную службу. В этот раз Интриллигатор был на удивление холоден и спокоен, разговаривая с Азаматом так, словно не он ему, а Азамат Интриллигатору должен.

– Мой шерстяной друг, – цедил он, стараясь не смотреть ему в глаза, – у меня сейчас нет денег, понимаешь? Надеюсь, ты не пойдешь в милицию жаловаться на меня? Я тебе сам позвоню, когда деньги будут. Не в твоих интересах педалировать эту тему: прикинь, сколько проблем возникнет, когда за меня впрягутся серьезные люди.

Прозвучавшее не сильно удивило Азамата, хотя он мог бы одним ударом лишить Интриллигатора жизни, но речь последнего о «богах» его зацепила.

– Боги играют нами, мальчик, используя нас для своего развлечения. Запомни, мой кавказский друг, настоящие боги не имеют ничего общего с религией, которую нам проповедуют: тебе муллы, нам наши попы, – сделай приворот на деньги, обратившись к ним, и разбогатеешь. И все будут счастливы – я, ты... и даже покойник Колосов.

Он же снисходительно подсказал Азамату, как это сделать.

– Есть такая штука, как Интернет. Там, говорят, можно черта лысого найти. Полазай там по всяким сайтам-шмайтам, форумам-кворумам, глядишь, тебя там и научат – что, где и зачем.

Полным контрастом к тому, что говорил Интриллигатор, был его совершенно нелепый вид голого не первой свежести человечка, самоуверенно развалившегося на нижней полке парилки, широко раздвинув ноги и выставив на обозрение свои непропорционально огромные гениталии, которыми он гордился не меньше, чем своим бургундским носом, считая это признаком своего *благородного* происхождения и утверждая, что является прямым потомком шведского барона, служившего в штабе адмирала Колчака и предавшего его, а после разгрома белых ловко затесавшегося в органы ВЧК, пересажавшего пол Иркутска и расстрелянного как классово чуждый элемент в 37-м году.

Азамат понимал, что это мелкая мразь его не просто обманывает, а еще и презирает. И единственное, что может поколебать самоуверенность столь ничтожного субъекта, – это насилие над ним. Жестокое и грубое насилие: избиение до крови, до истребления всего человеческого в нем, когда вместо личности останется лишь одна скулящая жалкая плоть.

Но удивительным образом он не хотел его трогать. Это его чувство чем-то неуловимо походило на брезгливость прикоснуться к свежим человеческим экскрементам: не только противно, но и унижительно. И прежде всего для него самого. А еще ему вдруг стало безразлично, получит он обещанные деньги или нет: словно не было никакого убийства; просто он все это придумал – и Интриллигатора, и Колосова. И сам он на самом деле не настоящий. И его тоже кто-то сочинил. Все это было настолько для него новым, что кружило голову и давало объяснение всему безобразию вокруг. Даже баня, где они находились, называлась «Абвер», в насмешку над здравым смыслом и всей историей, обещая своим посетителям, что «Освенцим здесь отдыхает».

Вернувшись домой, он долго не мог успокоиться, потому что мысль, что вся его жизнь не настоящая, не давала ему покоя: если это так, то все складывалось логично, объясняя его неудачи, – значит *где-то* существует настоящая жизнь, в которую ему надо попасть. Просто сейчас он сам лишь плод чужой игры, игры неких богов. «Если есть боги, то с ними нужно договариваться, – стучало как набатный колокол в голове. – Что нужно этим богам от нас, людей? Что я могу им предложить? Где об этом узнать? У кого спросить?»

Вопросов было много, а ответов не находилось ни на один из них. Он сел за компьютер и попытался играть, но не мог сосредоточиться: все мысли были теперь *где-то там*, с «богами». Тогда он просто стал искать в Интернете наобум, вводя в поисковик слова «старые боги» и «приворот», натываясь на многочисленные сайты оккультных орденов и магических сообществ, одно из которых его заинтересовало тем, что предлагало поэтапно научить практической магии, если он там зарегистрируется.

Это оказалось несложно сделать, достаточно было оставить свой электронный адрес и выбрать Nickname: Азамат решил, что «Король Пик» самая для этого подходящая кличка. По сути, новое имя, под которым он скрывался в сети, очень точно отражало его собственное представление о себе самом.

«Да, я король – роковой для тех, кто стоит на моем пути – но все же король: великодушный и справедливый. В карточной игре это самая сильная масть», – убеждал он себя, ожидая, когда на почту придет подтверждение о регистрации. Так и не дождавшись, он попытался уснуть, но сон не шел, в голове крутились слова «старые боги» попеременно с «игрой» и ему все чудилось, что еще немного и он наконец-то узнает, чего *они* хотят от него.

Утром он чувствовал себя совершенно разбитым и чтобы хоть как-то развеяться, решил прогуляться по району. Из темного и вечно загаженного кошками подъезда он вынырнул в стихийный рынок на улице Розы Люксембург, прошел через ряд самодельных прилавков, на которых среди отвалов моркови и картофеля лежали отрубленные свиные головы с высунутыми языками. Их мертвые глаза пялились на привычно суетящихся пенсионеров и неопределенного возраста разнополых мещан, деловито снующих между прилавками с разнообразным бардаком и облезлыми ларьками, словно тараканы на коммунальной кухне.

Невольно отметив про себя поразительное сходство свиных голов с опухшим от пьянства рылом первого президента, он заскочил в угловой магазин «Славный универсам», где разжился в долг хлебом и сахаром, после чего вернулся к себе домой завтракать. Его вдруг охватила полная апатия: ничего не хотелось делать, – он просто целый день сидел на одном месте, боясь приблизиться к компьютеру, словно чувствовал, что что-то в его жизни поменяется и этого страшился. Наконец, уже поздно вечером, он набрался смелости и включил компьютер. Как и предполагал, в почтовом ящике его ждало письмо с кодом авторизации и краткое сообщение, подписанное словом «Мудрец»: «Рад сообщить, что теперь ты один из нас. Я буду твоим наставником в высоком искусстве служения богам, пребывающим в вечной тьме и всемогущим. Зайди на сайт и в разделе „Ритуал“ прочти, что тебе следует делать».

Проникнув на закрытую часть сайта он без труда нашел нужный ему текст, основная суть которого сводилась к следующему: истинными богами являются языческие боги; языческим

богам не нужны поклонение и молитвы; человек может просить для себя у богов определенные блага и за это обязан дать что-то богам взамен; обращаясь к богам, необходимо давать требу – подношение; чем сложнее просьба, тем больше треба; при обращении к богам они сами решают, что им надо поднести в качестве требы; к богам обращаются наяву, а их ответы получают во сне; светлым богам приносят в жертву хлеб и мед, темным богам – алкоголь и мясо.

Получалось, что если человек был полезен языческим богам еще при жизни, то после смерти они забирали его в свою свиту, а если он был никому не нужен живым, то после смерти он просто исчезал, растворяясь, как дым, без следа в пространственно-временном континууме Вселенной. Это было просто и практично и к тому же не требовало от Азамата никаких усилий: достаточно приносить требы, чтобы исполнялись твои желания, – что он твердо решил стать язычником и любой ценой заслужить милость *этих* богов. В отличие от непонятной и отпугивающей абракадабры мусульманских молитв, от сложно и запутанного обряда православных с их постами и исповедью, здесь для него все было ясно, а главное понятно – это была простая мена, дашь на дашь, как когда-то в детстве, когда от тебя не требовали быть лучше, чем ты есть на самом деле, а просто не обманывать. Это его очень устраивало, ведь он всегда был честным человеком, он никого и никогда не хотел обманывать.

«Нас учили в школе, что любая религия есть обман, но здесь, похоже, все честно. Ведь тут нет никаких посредников между ними и мной, только *Я* и *Они*, – пытался разобраться в том, что узнал, Азамат. – И как я раньше сам до этого не додумался. Ведь говорил же мне дед в свое время, что в горах живут духи и те, кто знают их имена, могут управлять погодой и знают, где сокрыты клады, а я считал все это сказками, которыми он меня пугал на ночь глядя. Эх, если бы я раньше о *них* узнал, тогда, может, вся моя жизнь сложилась бы иначе. У меня сейчас бы была и машина, и дом, и денег тыщи и тыщи. Да что там деньги?.. Я бы сейчас был президентом Дагестана... или даже всей страны».

Мысли кружили голову, потому что теперь у него было в руках верное средство добиться успеха: теперь все зависело только от него самого. Ночью ему снилось черт знает что: сначала явился убитый им Колосов и танцевал какую-то чудовищную мимодраму, кривляясь, словно цирковая обезьяна, все время норовя встать на голову, но у него ни черта не получалось; затем появилась голая баба чудовищных размеров и без лица, крутила бедрами и трясла безобразно, до пояса отвисшими грудями, громко пуская газы столь омерзительно-вонючие, что он не мог дышать и от этого проснулся, – испугался, что разучился дышать. И вдруг его осенило: «Надо строить алтарь! Срочно».

Это его наполнило каким-то невероятным, духоподъемным ликованием. Целый день он бродил по району и вокруг своего дома и все искал подходящее место, чтоб рядом и одновременно никому не доступное. Когда нашел, то обрадовался, как ребенок, даже прослезился. Еще неделя ушла на то, чтобы обустроить жертвенный круг и выложить его камнями. Первое жертвоприношение он совершил ночью, разведя огонь в круге, в качестве подношения используя хлеб и мед: ритуал был предельно прост – треба сжигалась, а пока она горела, он непрерывно повторял свое желание, призывая неведомых богов его выполнить. Огонь прогорел, он вернулся домой и принялся ждать.

Каково же было его разочарование, когда абсолютно ничего не произошло. Как он жил, незаметно и никому не нужным, так и продолжил жить. Перемен не случилось. Он повторил свой языческий ритуал еще несколько раз, но все было безрезультатно. В отчаянии он написал Мудрецу, прося объяснить, что он делал не так, отправив письмо на электронный адрес своего наставника, но не получил ответа. В ярости он разломал алтарь, расшвыряв камни в разные стороны, зарекшись приносить жертвы. «Какой же я дурак, меня провели как ребенка! Но зачем? Зачем и кому это нужно?» – злился он, не находя себе места, мечась по квартире, словно потерявшая надежду на спасение осенняя муха в окне: его душила обида на то, что все его надежды на необыкновенное будущее разом обратились в прах.

В довершение ко всему хозяин квартиры, у кого он снимал, потребовал съехать, т.к. он задолжал за полгода, а расплатиться денег не было: он даже питался в долг, отовариваясь у своего земляка, хозяина продуктового ларька. Казалось, ему ничего не оставалось, как вернуться домой, в Дагестан, расписавшись в собственном бессилии изменить свою судьбу, но тут ему улыбнулась удача. Милиционер, у которого он одолжил оружие для своего первого убийства, предложил ему работу охранником в борделе, который крышевал.

– Понимаешь, земляк, – жаловался он ему, – у меня шлюхи воруют, а мамка их покрывает. И я ничего не могу сделать. Пригляди за ними и наведи порядок. Тебе и делать-то ничего не нужно. Лишь считай, сколько клиентов пришло и сколько расплатилось. Ну, а с теми, кто откажется платить, ты разберешься. Не мне тебя учить. Ты же чемпион.

Выгоду для себя в этом предложении Азамат увидел лишь в том, что он может жить теперь прямо на работе и, таким образом, его «квартирный вопрос» сам собой решится: сам того не ведая, он повторил судьбу писателя Маркеса, который тоже ночевал в публичных домах, не имея денег на собственный угол. Перебравшись в бордель, Азамат очутился в кругу женщин, глубоко и расчетливо презиравших мужчин и мечтавших любой ценой разбогатеть и вырваться из этого ада. До своего близкого знакомства с проститутками Азамат и помыслить не мог, что женщины могут быть настолько бесстыжи, пренебрегая элементарными нормами приличия и гигиены: все свое время в ожидании клиентов они проводили вместе, сидя абсолютно голыми на кухне, где пили нескончаемый чай и играли в карты, в неизбежного дурака; одевались исключительно для того, чтобы показаться перед очередным клиентом и не спугнуть его своими сомнительными прелестями, прикрывая целлюлит прозрачными пелеринами, пеньюарами и сорочками лишь для того, чтобы снова раздеться в комнате наедине с ним и предаться похоти самого гнусного свойства.

Скрип кроватей и сладострастные стоны сводили Азамата с ума, особенно если все проститутки были заняты своей работой одновременно. Когда никого не было и женщины страдали от безделья, они подначивали его предложениями сделать бесплатный миньет или попробовать секс с ними, выставляя на обозрение свои гениталии, лишь бы вывести его из себя, а если он не сдерживался и бил их за это, то абсолютно не расстраивались, словно получали удовольствие от физического унижения, которому он их подвергал.

Их бандерша, которую все звали мамкой, пухлая и наглая с золотыми зубами, все уговаривала то ли в шутку, то ли всерьез, женить его на одной из них или, в крайнем случае, на своей дочери, которую в деревне воспитывала ее мать, пока та зарабатывала здесь на жизнь. И так круглые сутки, изо дня в день, отчего у него кружило голову и ему хотелось лишь одного – убить их всех, лишь бы очистить мир от этой скверны.

Мысль о том, что и его родители когда-то занимались *этим*, чем предавались эти бесстыжие женщины здесь, чтобы родить его, была ему невыносимо противна, почти невозможна. Он не мог быть зачат в такой грязи. От этого он еще больше ненавидел проституток, которых должен был охранять. Из всех женщин в борделе он отмечал лишь одну, державшуюся особняком и которую все обитательницы этого места ненавидели: звали ее Зоя, – маленькая и хрупкая, она производила впечатление девочки-подростка с печальными влажными глазами, в которых навсегда засела пронзительная библейская печаль. Глядя на нее, он невольно вспоминал аварских женщин, пленительных в своей недоступности, которые всем своим видом стыдились своего существования.

Ей как будто тоже было стыдно от того, что она принуждена заниматься зарабатыванием денег столь низким способом, торгуя своим телом, – во всяком случае, так хотелось верить самому Азамату, – поэтому он ее жалел и даже защищал от нападок ее более бойких соратниц по их ночному ремеслу. Она пыталась с ним дружить, разговаривая по душам и все время льстила, заверяя, что он самый лучший человек из всех, кого она встречала.

От нее он узнал, что ее сокровенная мечта – собрать нужную сумму денег и уехать в Будапешт, чтобы стать порноактрисой, как это уже сделала одна ее подруга. В Интернете на одном из порносайтов она нашла фильм с ее участием и с гордостью показала ему, отчего он впервые в жизни испытал самый настоящий стыд от увиденного.

Подруга Зои «играла», как та выразилась, роль медсестры, которую несколько мужчин с невероятно огромными половыми органами нещадно драли в компании с парочкой таких же, как она, «актрис», основная роль которых сводилась к имитации удовольствия от спаривания: их лица были обезображены гримасами кривых улыбок, которые периодически сменялись испуганными судорогами боли, когда мужчины особенно глубоко проникали в их тела.

«Неужели за *это* им платят деньги, а они *этим* занимаются по собственной воле? – недоумевал он, с трудом сдерживая приступ тошноты, – Грязные скоты, нечистые животные... и она гордится своей подругой? Тем, чем она занимается?»

– А кем она была до того, как стала сниматься? – ткнув пальцем в экран, нервно поинтересовался Азамат.

– А, Сонька-то? Учительница начальных классов. Правда, прикольно? Вся такая правильная, преподавала в Ангарске. Не чета нам, из интеллигентной семьи. У нее мать учитель музыки. Подрабатывала фотомodelью, как-то согласилась сняться обнаженной, ну а там понеслось. И правду говорят, в тихом омуте черти водятся. Теперь в Будапеште – звезда. А я здесь, читаю ее письма: о том, как же классно там, в Европе. Чистенько все. Ей там нравится. Говорит, что если у тебя есть мозги, то обязательно сделаешь карьеру. А у меня мозги есть, я ведь не дура. Хотя мои родители простые люди – работяги. Отец, дурак, всю жизнь вкалывал на железной дороге, а мать была маляром на стройке. Все, что заработали, когда власть поменялась, потеряли. Что мне оставалось делать, ведь их как-то кормить надо. Вот я *этим* здесь и занимаюсь. Но это временно.

Наивная Зоя не подозревала, что все, что писала в своих письмах ее подруга, было одним сплошным враньем: это была даже не ложь, а жизнь взаймы, рассказ в свое оправдание, – попытка убедить всех, что она счастлива, занимаясь порно. На самом деле Соня, снимаясь в «фильмах для взрослых», пребывала словно в каком-то коконе, в который не было доступа людям: в абсолютном одиночестве, без любви и надежды, – жила бессмысленно и ужасно, имитируя то, чего на самом деле не было. Не было никаких половых гигантов, способных заниматься сексом часами; не было никакого удовольствия от процесса; не было никаких высоких гонораров; не было никакой чистоты и самоуспокоенности. А была скука и вечное ожидание в очередь, когда тебя начнут снимать в эпизоде; ощущение грязи, в которую тебя окунали каждый день и избавиться от которой никакой душ не помогал; чужое несвежее заношенное белье из реквизита; мужчины-импотенты, которым кололи в члены специальные препараты, чтобы они могли имитировать половые акты; женщины, малообразованные и ненавидящие друг друга из-за конкуренции; никакой естественной красоты – один накладной грим.

Но всего этого Зоя не замечала, потому что магия съемки ловко превращала гримасу боли в муку радости от неземного блаженства на лицах актрис: и она хотела, всем сердцем желала очутиться *там*, в кино, на месте ее Сони; в другой жизни, где все иначе, а не так, как *здесь*, где пьяное быдло заставляет ее сосать каждый день члены и глотать горькую сперму люмпен-пролетариев. Это ожидание чуда, которое смогло бы ее спасти, удивительным образом объединяло ее с Азаматом: с его желанием посредством магии переменить свою жизнь, – он *это* в ней отчетливо чувствовал, и *это*, собственно, лежало в основе его симпатии в ней как человеку.

– Я тоже верю в чудеса, только они в реальной жизни почему-то не случаются, – пожалел он ее и рассказал как хотел стать язычником и как ничего из этого не вышло.

– Вот здорово, – восхитилась Зоя, – какое же надо иметь мужество, чтобы на такое решиться. Я бы посоветовала тебе не бросать обращаться к твоим языческим богам и они

наверняка тебе ответят. У нас в деревне была одна бабка и все считали ее ведьмой. Так она, говорят, с нечистой силой зналась посредством каких-то обрядов. Если у нее получалось, значит, и у тебя получится.

Окрыленный поддержкой Зои, он вновь стал заходить на сайт оккультистов, где был зарегистрирован, читая все статьи подряд и пытался самостоятельно разобраться, как совершать магические ритуалы. В статьях встречалось много непонятных для Азамата слов, типа «инкуб» или «суккуб», имена и должности демонов, рисунки амулетов и талисманов, пентакли. Но в них не было сказано самого главного – как заставить неведомых богов отвечать на его просьбы.

И вновь Зоя ему подсказала:

– Пообещай им что-нибудь, что есть только у тебя – например, свою душу. Может, тогда получится?

В одной из статей Азамат прочитал, что для того чтобы вызвать демона, нужно кровью написать его имя на бумаге и сжечь на огне. Но как вызвать богов, имен которых никто не знает? И тогда он решил вместо их имен написать свою просьбу, лишь бы они услышали его и ответили: кровью написал, порезав палец, – а затем сжег ровно в полночь под скрип кроватей за стеной и сладострастные стоны проституток, для которых был самый разгар рабочего дня.

То ли и правда это сработало, то ли он сам себе внушил, но ему приснился огромный и весь в белом величественный старик с одним глазом, – второй он держал в правой руке, – у ног его лежал белый волк, а на плече сидел одноглазый ворон.

«Что тебе надо? Зачем потревожил наш покой?» – гремел грозный голос, сотрясая Азамата, словно ветер одинокий лист на ветке: еще мгновение и его унесло бы прочь от старца, – и тут он в ужасе завопил в полный голос: «Возьми мою душу и услышь меня! Научи служить тебе и приносить тебе».

Ворон взмахнул крыльями и закричал нечеловеческим голосом, – именно так, иначе Азамат не мог сформулировать свои ощущения от пережитого ужаса, – перекрывая шум бури, поднявшейся от хлопанья его крыльев: «Служи Одину, призывай Мунина и Фреки и тебя твоя зачтется. И тогда твое станет нашим, а наше твоим. Огонь и вода свяжут с нами всегда. А теперь ступай, покой богов не нарушай».

Как только ворон замолчал, вихрь подхватил его и разметал в разные стороны, словно кипу сухой травы. В ужасе от того, что исчез, Азамат проснулся, обливаясь холодным потом в своей постели в абсолютной тишине. Был полдень и обитатели борделя наконец-то забылись беспробудным сном после очередной жаркой ночи. Храм плотской любви опустел и дюжина разношенных вагин и натруженных анусов получила короткую передышку перед тем, как снова подвергнуться через несколько часов истязаниям во имя Мамоны.

После чудовищного сновидения казалось, что теперь он знает, как на самом деле устроен этот мир, главную его тайну, и это знание об истинном устройстве мироздания наполняло его уверенностью, что отныне ему дана власть над своим будущим. Он тихо обошел квартиру, в которой располагался бордель, проверяя, все ли спят, осторожно приоткрывая двери и подолгу разглядывая спящих женщин и не понимая, что заставляет мужчин искать с ними близости: сам он подобной потребности никогда не испытывал, а после всего увиденного здесь даже страшился.

Плоть без души имела совершенно отталкивающий вид, поэтому мысли его невольно возвращались к старику, волку и ворону из сна.

«А мой народ не ошибался, когда назвал волка божьим пастухом. Если бы можно было приносить в жертву людей, то женщин для этого нельзя использовать, – они слишком грязные, – только мужчин. Поэтому-то древние боги были богами воинов-мужчин. А что, если их всех убить, а это место сжечь? Огонь очистит и этих женщин, и это место. Сжечь, сжечь, сжечь». В голове кружились слова ворона: «Огонь и вода свяжут нас всегда». И тут он не ожи-

данно вспомнил о пресловутом Мудреце и решил ему написать – похвастаться своим триумфом, которого он достиг самостоятельно, невзирая на то, что ему отказались помогать.

Он и не рассчитывал, что получит ответ, поэтому письмо, пришедшее на его адрес через каких-то 20 минут, его изрядно удивило. Мудрец писал: «Желая быть услышанным, используй огонь. И да вода тебе поможет. Посредством воды Небо оплодотворяет Землю и она порождает дары, которые следует приносить в жертву. Все они принадлежат Небу-Отцу. Сжигай их и возвращай их энергии Небу. Помни – ты лишь посредник, инструмент. Ритуальный нож, не знающий пощады к жертве. Не стой на пути между Землей и Небом. Приноси требы в магическом круге на алтаре из речных камней в полнолуние и они будут угодны богам. И помни! Кровь – залог твоего успеха».

Теперь в голове у него все прояснилось. Он словно заново открыл для себя цель своего существования. Оставалось лишь начать свое служение, чтобы присоединиться к «настоящим» богам. Он восстановил алтарь и, как и советовал Мудрец, принес свою первую жертву после истинного обращения в полнолуние, когда огромная белая луна плыла в черном небе в мертво-зыбком гало, предвещая что-то зловещее.

В этот раз он остановил свой выбор на живой курице и крепком алкоголе, – украл у проститутки полбутылки коньячного спирта, – совершив ритуал в полночь, строго придерживаясь указаний Мудреца: остатки курицы после сожжения закопал в землю и окропил водой, прося у богов машину и дом.

Каково же было его удивление, когда через посредника его нашел Интриллигатор и предложил в счет своего долга отписать на его имя машину своего должника и дом в деревне Моты, прямо на берегу реки Иркут. Это было настоящее чудо, когда через неделю он сидел на завалинке уже своего дома и смотрел на реку: вечерело и в гаснущем небе мерцали первые звезды, – вид завораживал девственной красотой, которую не могла нарушить никакая человеческая суета.

Лес, чернеющий за огненной рекой, был таким же, как и 1000 лет назад, и, глядя на него, Азамат чувствовал полное свое ничтожество перед равнодушной красотой миропорядка.

«Пройдет еще 1000 лет и ничего здесь не изменится, словно и не было ни меня, ни еще кого-либо, – и так стало обидно, что на глаза навернулись слезы, – но я-то знаю, знаю, как обрести власть над всем *этим*. Мое имя еще прогремит, я заставлю весь этот мир мне поклониться».

Это было что-то настоящее, – то, чего ему так не хватало с тех пор, как он вырос, но так и не повзрослел. После поездки в деревню возвращение к прежней жизни было мучительным и он не смог работать охранником, отказавшись от места. Взамен он решил попробовать себя в качестве профессионального убийцы, чем сильно развеселил хозяина борделя.

– Земляк, из тебя убийца как из моих шалов женский монастырь. По-научному это значит киллер. А ты аварец, как и я. Наше дело овец пасти. Шашлык-машлык, немножко здесь, немножко там... Дела делать, бакшиш собирать. Предоставь *эту* работу русским свиньям – у них это отлично получается.

Но Азамат не передумал. Он создал сайт «Пиковый король» с помощью одного умельца-земляка, а в местной газете раз в неделю давал объявление: «Для всех, кому мешают, сайт „Пиковый король“. Ликвидируем любую вашу проблему». Зашедший на сайт мог оставить заявку на убийство и оговорить цену. Однако оказалось, что люди не готовы платить: за все время работы сайта лишь двое согласились оплатить убийство. И оба заказчика оказались женщинами: первая заказала свою более успешную подругу; вторая мужа и его любовницу. Неожиданно позвонил Интриллигатор и пригласил в баню.

Снова увидев этого насквозь порочного субъекта в неглиже, он еле сдержался, чтобы не выдать своего физического отвращения к нему. Азамату был противен не сам прохиндей, а его неизменная манера общения с ним как с неполноценным или умственно отсталым, кото-

рого презирают и одновременно используют в полной уверенности, что он этого не заметит и поверит во все, что ему скажут. И хотя Азамат и не мог этого отчетливо сформулировать, но на уровне инстинкта, как животное, чувствовал всю скверну этого человека. Интриллигатор был ничем не лучше тех падших женщин, которых Азамат успел узнать и возненавидеть в борделе. Его привычка встречаться в бане, чтобы выставлять перед собеседником на обозрение свои гениталии, ничем не отличалась от потребности проституток обнажаться и дразнить своими формами, чтобы будить и эксплуатировать мужскую похоть. По сути, это Азамата унижало как мужчину. Если не сказать больше – как самца.

Будь Азамат более искушенным в вопросах человеческих девиаций, он мог бы подумать, что Интриллигатор гомосексуалист, но он был девственником, а сама идея мужеложества была ему просто недоступна, – лежала вне границ его понимания человеческой природы и мужского предназначения.

Сквозь липкую патоку слов он с трудом выуживал смысл, который был ничем не лучше, чем сам Интриллигатор, потому что ни одна баня не могла отмыть его от всей той грязи, в которой он привык копаться, словно свинья, получая от этого явное удовольствие. Любимой мыслишкой Интриллигатора была фраза Горького «У всех людей души серенькие, все подрумяниваться хотят», которую он любил обсасывать как леденец, прикладывая в своей речи в качестве неоспоримого аргумента к другой любимой сентенции того же автора «То – люди, а то – человеки», под человеками подразумевая исключительно себя, а под людьми всех остальных, которых глубоко и искренне презирал.

Вся речь его сводилась к тому, что Азамат ему должен, – он не пояснил за что, – и Азамату было любопытно, чем все это закончится, пока, наконец, тот не коснулся главного:

– Мне мешает один мерзавец, сущий выродок. Помнишь Колосова?.. Наверняка помнишь! Так вот, этот в сто раз хуже. Такие люди существуют только лишь затем, чтобы их раздавили, как какого-нибудь клопа или таракана. Сущее насекомое. Мерзость перед лицом Господа. Он даже храм строит, представляешь? Некто Твердохлебов. Делает вид, что он не такой, как все мы. В Бога верит. У такого и души-то нет, одна видимость – как карнавальная маска. А под ней ничего – пустота. Разоблачи его, ведь ты герой. Ты мое орудие возмездия, настоящее копье судьбы.

Интриллигатор ничего не сказал об оплате за это убийство, а Азамат об этом не спросил. Не потому, что забыл, а просто не захотел. Намеченная жертва была хорошо известной личностью в городе: меценат, отец многочисленного семейства, глава крупной строительной компании. Твердохлебов был инициатором многих общественных инициатив и любимцем властей. Поговаривали, что в скором времени он станет губернатором. Не то, чтобы Азамату было его жаль, – для него это был лишь персонаж из телевизора – ему была не понятна сама природа ненависти, которую к Твердохлебову питал Интриллигатор.

Вполне возможно, что это была лишь зависть, но Азамату было скучно само это чувство: само убийство его абсолютно не волновало, – одним больше, одним меньше, не все ли равно, – но он не хотел быть всего лишь смертоносным орудием в чужих руках. Будучи любителем онлайн-игр, он являлся заядлым сторонником эпических финалов, когда посредством истребления «окончательного» монстра он освобождал или спасал целый мир. Он хотел стать героем, спасителем; он хотел очистить мир и сделать его чуть лучше... пусть так, как он это понимал, но лучше, где таким, как Интриллигатор, не было места.

Он хотел чистоты, особенно с тех пор, как стал подолгу жить в своем доме в деревне. Он продолжал приносить требы языческим богам, закалывая ягнят и куриц: их кровью он кропил камни алтаря, иногда на нем сжигая и мелкие бумажные деньги, периодически консультируясь по переписке с Мудрецом о тонкостях ритуала, – но в его жизни мало что происходило. Богатство, о котором он просил богов, к нему не приходило: он жил один, без друзей, а женщин избегал.

По ночам ему часто снилось, как что-то огромное и темное поглощает его и он растворяется в этой темноте без остатка и в момент, когда тело окончательно исчезало, наконец-то наступало освобождение: он парил среди своих детских воспоминаний. Мимо пролетали овцы, корова, дедовский волкодав, куры с рыжим петухом, кошка и бабушкин очаг, в котором пылал неугасимый огонь и пеклись чудесные чуду, круглые лепешки с начинкой, а он все летел и летел куда-то, просыпаясь утром в слезах и с щемящей болью в груди. Его вдруг стало тянуть на Родину, захотелось снова увидеть белую гряду далеких гор и дедовский аул, посидеть, как в детстве, на камнях разрушенной сторожевой башни, откуда виден весь их аул и плоские крыши домов, карабкающиеся вверх по склонам ущелья. Но ему было стыдно сознаться в этом, ведь тогда это означало бы признание своей слабости: домой возвращались лишь слабаки.

В конечном счете Азамат решил принять предложение Интриллигатора и убить Твердохлебова, чтобы доказать, что он выше его мнения о нем самом: этим убийством он хотел продемонстрировать, что герой выше закона и справедливости, что он сам и есть закон и справедливость и лишь от него одного зависит, кто будет жить, а кто умрет.

«Я божий пастырь как волк, – убеждал себя он, готовясь к убийству, – Я бросаю тебе, Интриллигатор, вызов и я одолею тебя. Потому что Я герой. Я – и никто другой. Другие – это те, кто для меня. Те, кто служат мне».

В этот раз он не стал ни у кого одалживаться, купив на рынке у чеченцев АК-47 и целый цинк патронов к нему. Твердохлебова всегда сопровождала охрана и Азамат решил дать ей бой, приговорив и охранников к смерти: ему хотелось, с тех пор как он стал играть в компьютерные игры, осуществить и в жизни эпический финал, о котором потом бы стали слагать целые легенды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.